

Вестник
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

1

1 9 7 2

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 — 1972

*Соловьев-Р., а когда-то Алейниковой М.И.,
свои драгоценные находки
предоставили покойной родственнице
автору.*

П. 1972.

Т. А. ПУШКИНА

О ПРОНИКНОВЕНИИ НЕКОТОРЫХ УКРАШЕНИЙ СКАНДИНАВСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Различные предметы скандинавского происхождения, прежде всего женские украшения, впервые найденные в погребальных комплексах на территории России еще в XIX в., неоднократно привлекали внимание исследователей.

Существует несколько точек зрения, объясняющих пути проникновения этих вещей на Русь. Взгляды сторонников так называемой «норманской теории» и их противников достаточно подробно разобраны в книге И. П. Шаскольского¹, поэтому нет необходимости приводить их здесь в деталях. Достаточно сказать, что ряд исследователей объясняли и объясняют нахождение скандинавских вещей существованием варяжских колоний на территории Древней Руси².

Основная масса скандинавских украшений, предметов вооружения происходит из погребений и лишь единицы найдены в культурных слоях поселений. В летописи неоднократно упоминаются варяги во второй половине IX—X в., однако на Руси находки вещей IX в. единичны³. Погребения, содержащие скандинавский элемент, в основном датируются X — первой половины XI в. Картографирование распространения вещей северного происхождения выявило особенность их распределения — это в основном курганные группы, расположенные по водным торговым путям Руси IX—XI вв. (некрополи Киева и Шестовиц, курганы Гнездова, Владимирские, Михайловские, Тимеревские и курганы юго-восточного Приладожья). Такое распределение комплексов позволило Ю. В. Готье, Я. В. Станкевич, Е. И. Горюновой, М. В. Фехнер, В. С. Дедюхиной считать скандинавские украшения предметами импорта на территории Древней Руси⁴.

Основными находками являются фибулы различных форм. Всего известны 252 экз. фибул⁵, из них 64,8% — овальные. Обратимся к фибулам этой формы как

¹ См. И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке, главы 4, 5. М.—Л., «Наука», 1965.

² См. А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. «Известия археологической комиссии», вып. 15. СПб., 1905, стр. 7—8; Б. А. Рыбаков. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 37.

³ См. В. С. Дедюхина. Фибулы скандинавского типа. «Труды Государственного исторического музея», вып. 43. М., «Советская Россия», 1967, таблица.

⁴ См. Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 195; Я. В. Станкевич. Хронологическая классификация погребений юго-восточного Приладожья. КСИИМК, 1947, вып. 14, стр. 77; ее же. Курганы юго-восточного Приладожья и Карело-финской АССР. «Археологический сборник». Петрозаводск, 1947, стр. 99—101; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 1961, № 94, стр. 196; М. В. Фехнер. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников. Сб. «Ярославское Поволжье». М., 1963, стр. 84; В. С. Дедюхина. Ук. соч., стр. 206.

⁵ См. В. С. Дедюхина. Ук. соч., стр. 191.

к наиболее многочисленным. Их найдено 101 экз.: 94 в погребениях, 1 в кладе, 3 на поселениях, 3 случайно. Как установлено скандинавскими исследователями, овальные фибулы служили для скалывания бретелей юбок и обычно употреблялись парами. Иногда одна из овальных фибул заменялась круглой, трилистной или равноплечей⁶. Между собой фибулы соединялись цепочкой, в первую очередь они несли служебную функцию и могли употребляться при соответственном покрое одежды. Х. Арбман писал, что «эти эффектные украшения были важной частью тогдашнего наряда викингских женщин, и это были не покупные товары, так как их можно было использовать только тогда, когда женская одежда имела покрой, характерный для времени викингов — с юбками на бретелях»⁷. Большая часть овальных фибул найдена в погребениях юго-восточного Приладожья, Ярославского Поволжья и Гнездова. Обратимся к этническому составу этих районов. Территория первых двух в X в. была заселена в основном финскими племенами. Для Ярославского Поволжья второй половины X — начала XI в. М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина отмечает смешанный финно-славянский состав населения с наличием незначительного скандинавского элемента⁸. О разноэтничности населения Гнездова писал еще В. И. Сизов⁹, отмечая наряду со славянскими и скандинавские черты в погребальном обряде и инвентаре. Наличие балтского населения Гнездова убедительно показано Е. А. Шмидтом¹⁰.

Насколько позволяет судить археологический материал, женский костюм финских племен на территории Финляндии аналогичен скандинавскому — та же юбка на бретелях из плотной шерстяной ткани с двумя фибулами на груди, соединенными цепочками¹¹. Парные овальные фибулы были весьма распространены у ливских племен на территории Прибалтики¹², но неизвестны у балтов. Женский костюм балтских племен конца I — начала II тыс. н. э. примерно реконструирован по археологическим данным¹³. Покрой одежды близок славянскому, который восстановлен В. П. Левашовой на основе письменных данных, миниатюр и частично по материалам раскопок в верховьях Волги и Днепра — это льняная прямая туникообразная одежда с длинными прямыми рукавами и шерстяная юбка от бедра¹⁴. При таком покрое места для скорлупообразных фибул не остается.

Находки на территории Древней Руси в погребениях единичных экземпляров этих эффектных застежек не противоречат данным скандинавского материала: из 148 погребений могильника Бирки, содержащих в составе инвентаря овальные фибулы, в 43 эти фибулы были встречены по одному экземпляру. Причем две трети фибул найдены в погребениях с труположением. Надо отметить, что значительное число единичных экземпляров овальных фибул на территории Руси происходит из погребений с трупосожжением, при котором утрата части инвентаря практически неизбежна, особенно при сожжении на стороне.

Следующая категория скандинавских украшений, проникновение которых в Восточную Европу объясняется импортом, — это железные шейные гривны из четырехгранного прута, частично перевитого, с подвесками — молоточками Тора. Их найдено около 50 экз.: 45 в погребениях, остальные на поселениях. Время бытования их на Руси определяется второй половиной X — началом XI в.¹⁵ Гривны носили мужчины и женщины. Так как гривны в большинстве случаев несут на себе изображения символов, связанных с мифологическими представлениями скандинавов, их, вероятно, следует считать специфическим скандинавским украшением. Большая часть гривен найдена в погребениях с другими предметами скандинавского происхождения.

⁶ См. М. В. Фехнер. Внешнеэкономические связи, стр. 76.

⁷ Н. Арбман. Skandinavisk Handverk in Russland zur Wikingerzeit. «Meddelanden fran Lunds Universitets Historiska Museum (1959)». Lund, 1960, s. 119.

⁸ См. М. В. Фехнер. Тимеровский могильник. Сб. «Ярославское Поволжье». М., 1963, стр. 17; ее же. Петровский могильник. Там же, стр. 23. Н. Г. Недошивина. Михайловский могильник. Там же, стр. 30—31.

⁹ См. В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. «Материалы по археологии России», № 28, СПб., 1902, стр. 34.

¹⁰ См. Е. А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнездова. «Советская археология», 1970, № 3, стр. 102—109.

¹¹ «Early Finnish Art from prehistory to the middle ages». Helsinki, 1961, p. 17, pl. 122.

¹² «Katalog der Ausstellung zur X archäologischen Kongress». Riga, 1896, ss. XXXVII—XXXVIII.

¹³ См. А. Е. Зариня. Одежда латгалов по материалам археологических раскопок последних лет. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 511; «Литовское народное искусство», т. I. Вильнюс, 1958, стр. XV.

¹⁴ См. В. П. Левашова. Об одежде сельского населения Древней Руси. «Труды ГИМ», вып. 40. М., 1966, стр. 115—116.

¹⁵ См. М. В. Фехнер. Шейные гривны. «Труды ГИМ», вып. 43. М., «Советская Россия», 1967, стр. 63.

В. С. Дедюхина пишет о фибулах: «Эти эффектные украшения проникли в Восточную Европу путем торговли, о чем ясно говорит расположение мест находок по двум основным магистралям торговых путей того времени: по Волжской и Днепровской. На севере находок больше, чем на юге, и характерно, что наиболее ранние фибулы найдены как раз в Приладожье и Ярославском Поволжье. Расцвет торговли со Скандинавией относится к середине и второй половине X в., поэтому фибул этого времени, найденных в Восточной Европе, гораздо больше, чем застежек конца IX — начала X в., так же как и датированных первой половиной XI в.»¹⁶.

Однако Волжский путь играл для Скандинавии важную роль до середины X в.¹⁷, т. е. до времени наибольшего распространения скандинавских фибул на этой территории.

Вопроса о скандинавских вещах на территории Восточной Европы касается В. М. Потин. Он пишет: «Находки западных особенно скандинавских вещей X в., довольно многочисленных на древнерусской территории прежде всего на территории северо-западной Руси, вероятно, объясняются опять-таки не норманской колонизацией, не засильем викингов в европейской торговле, а просто необходимостью значительной части Европы, в том числе и скандинавских стран, расплачиваться за русское серебро. Отсюда совпадение во времени двух явлений: начала массового обращения западноевропейских денариев и заметного сокращения числа находок скандинавских вещей на территории Древней Руси. И то, и другое особенно заметно проявляется во второй четверти XI в.»¹⁸. Вероятно, под «русским серебром» понимается часть куфических монет. Но тогда трудно объяснить исключительно незначительное число скандинавских вещей на территории Древней Руси до X в., если восточное серебро начинает проникать в Скандинавию в первой половине IX в., а период с начала до середины X в. — это время наибольшего количества кладов куфических монет на территории Скандинавии, поступивших по Волжскому пути¹⁹. При этом большинство скандинавских вещей, найденных на территории Древней Руси, имеет хронологические рамки второй половины X — начала XI в., а приток восточного серебра в страны Северной Европы резко сокращается в 60-х годах X в.²⁰.

Если считать фибулы и железные гривны предметами импорта, то тогда следует признать наличие в племенном наряде населения указанных выше районов элементов, характерных для убора других этнических групп этого периода, что едва ли допустимо при известной стойкости основных черт племенного костюма.

Таким образом, объяснение проникновения разнообразных категорий скандинавских украшений на территорию Древней Руси торговлей представляется недостаточно убедительным.

Вероятнее предположить принадлежность овальных фибул и железных гривен с подвесками — молоточками Тора — выходцам из Скандинавии, по каким-либо причинам попавшим в некоторые пункты Руси в IX — начале XI в. Эти люди принесли с собой свой племенной наряд, свои верования, свой обряд погребения. Отмечая скромность инвентаря скандинавских погребений Тимеревского могильника, М. В. Фехнер пишет: «Ничтожное число скандинавских погребений данного некрополя свидетельствует о том, что, осевшие в X в. в Ярославском Поволжье незначительные группы норманнов, в XI в., по-видимому, уже ассимилировались местным населением»²¹. Подобное явление возможно и для остальных известных нам пунктов.

Представлена кафедрой археологии
24 мая 1971 г.

¹⁶ В. С. Дедюхина. Ук. соч., стр., 206.

¹⁷ См. В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Изд-во МГУ, 1956, стр. 69.

¹⁸ См. В. М. Потин. Древняя Русь и западноевропейские государства в X—XIII вв. Л., «Советский художник», 1968, стр. 44.

¹⁹ P. Sawyer. The Age of the Vikings. London, 1962, pp. 105—109.

²⁰ См. В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 130.

²¹ М. В. Фехнер. Тимеровский могильник, стр. 15—17.